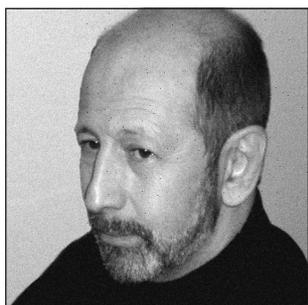

Социальные технологии и научное знание¹

И.Т. КАСАВИН

Сегодня мы живем в искусственном мире, мире культуры и только затем при посредстве культуры – в мире природы. Культура, понятая как вторая природа, – образ, известный по крайней мере со времен К. Маркса. В наши дни культура приобретает вид универсальной техники, призванной продолжить и усовершенствовать природу человека, освободить его. Однако всякий предмет, созданный человеком и для человека, обладает способностью обособиться от своего творца и обрести незапланированные и даже враждебные ему свойства. Отсюда проблематичность свободы, достигаемой человеком за счет техники.

«Сейчас обнаруживается то, что Ницше уже метафизически понимал, – что новоевропейская “механическая экономика”, сплошной машинообразный расчет всякого действия и планирования в своей безусловной форме требует нового

¹ Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ «Типы междисциплинарности в эпистемологии и науках» (2009–2010) и Роснауки «Гуманитарное знание и социальные технологии».

человечества, выходящего за пределы прежнего человека. Недостаточно обладать танками, самолетами и аппаратурой связи; недостаточно и располагать людьми, способными такие вещи обслуживать; недостаточно даже просто овладеть техникой, словно она есть нечто в себе безразличное, потустороннее пользе и вреду, строительству и разрушению, применимое кем угодно и для любых целей. Требуется человечество, которое в самой своей основе соразмерно уникальному существу новоевропейской техники и ее метафизической истине, то есть которое дает существу техники целиком овладеть собою, чтобы так непосредственно самому направлять и использовать все отдельные процессы и возможности»².

Эта мысль М. Хайдеггера о технологизации самого человека имеет многообразные следствия, в частности, для понимания прикладных возможностей социально-гуманитарных наук. В этом контексте актуализируется понятие «социальные технологии» (СТ)³, выражая собой специфические черты социально-технократического дискурса наших дней.

К терминологии и причинам ее туманности

Обсуждение проблематики СТ сегодня затянута терминологическим и идеологическим туманом. Тотальная власть техники и технократизм государственной власти проявляются сегодня, среди прочего, в мощном мировоззренческом влиянии того, что можно назвать «техномифами». Это накладывается на слабую философско-методологическую проработанность популярных концептов современного технодискурса и порой приводит к частичному отождествлению социальности и техники (в рамках дисциплины «Studies Science and Technology»), социальности и компьютерной коммуникации (чему служит понятие «social software»), техники и знания (в известном понятии «общество знания», или «knowledge society»). В этом схватывается нечто весьма важное для современности, а именно, коммуникативная природа техники и технологии, преувеличение роли которой, однако, граничит с ее очеловечиванием, с заменой человека как социального и культурного субъекта техническим устройством в тех измере-

² Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 285.

³ Термин «социальные технологии» будет использоваться здесь как синоним терминов «социогуманитарные» или «гуманитарные технологии», несмотря на определенное различие смыслов, которому мы в данный момент не можем уделить должного внимания.

ниях, которые в принципе не подлежат этому. Мы не будем поднимать здесь тему «бунта против машин», которая в разные эпохи отмечена своими историко-культурными особенностями, но лишь еще раз обратим внимание на неустранимость различия между творцом и продуктом, которое имеет фундаментальное эпистемологическое значение.

К истории проблемы

Проблематика СТ разрабатывается на пространстве СССР начиная с 1970-х гг. На первом этапе (1975–1990) исследование СТ шло в рамках исторического материализма и марксистской социологии, критики зарубежной социальной мысли и осторожной рецепции некоторых идей из переведенных трудов⁴. На втором этапе (с 1990 г. по настоящее время) российские авторы стали активно использовать теории и подходы современной западной социологии, психологии, менеджмента, PR⁵, а также анализировать и обобщать опыт текущей социальной практики. В Белгороде, Москве и Киеве возникли научные школы, занимающиеся проблематикой СТ⁶, были созданы первые кафедры социальных технологий (например, на базе Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса в 1999 г.).

В последние годы основной упор делается на максимальную операционализацию и технизацию данного понятия, его связывание с идеей модернизации на фоне применения для его анализа идей философии техники и политической философии. В рамках прикладных аспектов СТ внимание исследователей в целом ограничивается СТ управления, социальной работы, урегулирования конфликтов, работы с молодежью и некоторыми другими. Происходит переход от разработки и

⁴ См.: Иконникова Г.И. О понятии социальной технологии // *Философские науки*. 1984. № 5; Антонюк Г.И. Социальное проектирование. Минск, 1978; Подмарков В.Г. Человек в трудовом коллективе. Проблемы социологии труда. М., 1989; Переводы: Маркович Д. Социология труда. М., 1988; Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М., 1976.

⁵ См.: Ансофф И.Н. Стратегическое управление. М., 1989; Мескон Л.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1992; Монден Я. «Тоета». Методы эффективного управления. М., 1989. Чавес М.С., Кулей Х.В. Социальная наука и социальная технология // *Общественная наука и современность*. 1992. № 6. С. 101–103.

⁶ См.: Основы социальных технологий. Ч. I. Белгород, 1992; Основы социальных технологий: прикладная социология и психология. Ч. II. Белгород, 1992; Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии. М., 1999; Технологии политической власти. Зарубежный опыт / В.Н. Иванов [и др.]. Киев, 1994; и др.

анализа понятий, связанных с СТ, к проектированию конкретных СТ, причем теоретический уровень исследований порой снижается. Этому противостоит противоположная, социокультурная тенденция в рамках неклассической социальной эпистемологии и культурологии; она привлекает внимание к «мягким», феноменологическим и дискурс-ориентированным СТ, учитывающим личностные качества субъектов коммуникации.

В западной литературе первая попытка концептуальной разработки понятия СТ как прикладного аспекта социальных наук относится к 1960-м гг.⁷ Для современного же взгляда типична книга, авторами которой являются сотрудники Исследовательского центра Форрестера⁸. «Донная волна» (так буквально переводится название книги, но исходя из контекста точнее было бы перевести как «снежный ком») – бестселлер, базирующийся на тщательном анализе современного бизнеса, на фактах и ситуационных исследованиях и полный практических стратегий для компаний, которые хотят использовать власть социальных технологий в форме компьютерных коммуникаций (блоги, социальные сети и YouTube).

Значение термина «СТ» изменялось в ходе его разработки. Первоначально СТ означало применение социальных наук в различных целях (в первую очередь отбор и использование экспертов для принятия решений), но в наши дни происходит дрейф значения в направлении СТ как любой технологии для социальных целей вообще. Социальные же цели в основном покрываются различными формами коммуникации в политике, экономике, культуре. Отсюда СТ включает как мягкую, так и жесткую технологию (software and hardware), т.е. когнитивно-интеллектуальные системы (компьютерные сети и проч.), так же, как и телефон, телеграф и почту. Внимательный взгляд на историю технологий показывает, что большинство технических изобретений имели значение для человеческой коммуникации и тем самым вносили вклад в развитие СТ. К примеру, книгопечатание содержало как «жесткий», собственно технический (обычно описываемый в истории техники), так и коммуникативно-деятельностный, «мягкий» компонент, т.е. особые навыки обращения с текстом, отношение к авторству, новые виды дискурса, правовые новации (копирайт и проч.).

В западной литературе обычно различаются СТ, ориентированные на государственный и частный сектора общественной жизни, соответственно сферы прав человека и государ-

⁷ См.: Helmer O., Brown B., Gordon Th. Social Technology. N.Y., 1966.

⁸ См.: Li Ch., Bernoff J. Groundswell. Boston, 2008.

ственные институты, с одной стороны, и деятельность частных компаний – с другой. Во втором случае СТ фактически совпадают с менеджментом. Характерно, что в российской литературе тема «СТ в производстве» оказалась практически забыта, поскольку ассоциировалась с марксистским этапом разработки данной проблематики⁹. Сегодня эта тематика резко актуализируется в связи с программами модернизации экономики и инновационного развития России.

Связь (как терминологическая, так и концептуальная) технологии и инженерии была отмечена начиная с середины 1960-х гг. в работах Московского методологического кружка (ММК – обычно связываемого с личностью Г.П. Щедровицкого), но еще раньше, в 1945 г. – в трудах К. Поппера «Открытое общество и его враги» и «Нищета историцизма» (piecemeal engineering). Этим и другим аналогичным концепциям предстояло преодолеть негативное отношение к технократическим методам тоталитарного государственного управления, что удавалось лишь отчасти и во многом блокировало их разработку. Однако сходства и различия инженерно-организационной методологии Г.П. Щедровицкого и рациональных стандартов социальной инженерии К. Поппера по сути являются исходным пунктом для изучения основных параметров СТ.

Современный взгляд на СТ с позиции социального конструктивизма приводит к принципиальному пересмотру их технократического истолкования вплоть до того, что происходит отождествление СТ с «разговорными технологиями» (conversational technologies). В особенности это характерно для СТ в рамках сетевых организаций (network-centric organizations). В данном случае речь идет о технологиях хранения и выработки знания путем коллективного создания текста. Современная наука в этом смысле – наиболее аутентичный пример СТ¹⁰.

Чем вызвано повышенное внимание к СТ?

Практическая актуальность проблематики СТ обусловлена отличием технологий естественно-научного типа от социально-гуманитарных технологий. Первые уже несколько де-

⁹ См.: Дейнеко О.А. Технология управленческих работ в машиностроении. М., 1987; Никредин Г.Д. Социальные технологии в системе производственной деятельности. Методология, методика, практика. Волгоград, 1992.

¹⁰ См.: Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Social Construction of Scientific Facts. Princeton, 1979.

сятелетий являются специальным предметом исследования технических наук, что интегрировано в процесс образования и материального производства. И напротив, СТ до сих пор не составляют систематического и целенаправленного предмета исследования какой-либо научной дисциплины, их вовлечение в образование, социальное строительство и управление носит случайный характер. Отсутствие должной институционализации процессов исследования и разработки СТ приводит к тому известному разрыву, который существует между социальными науками и практикой принятия крупных социально-политических решений. Последние остаются плохо подготовленными, подверженными групповым интересам, непрозрачными, несут в себе риск неэффективности и коррупции. В частности, это касается программ модернизации и инновационной экономики, в которых налицо коммуникационный разрыв между субъектами социального действия: учеными, инженерами, предпринимателями и государственными чиновниками. Основательная теоретическая разработка понятия, структуры и функций СТ, условий и форм их проектирования, конструирования и экспертизы, внедрение этих результатов в образование, в практику науки, производства и принятия политических решений могли бы привести к формированию взаимопереводимых и кооперативных картин мира социальных субъектов, к успеху глобальных социально-политических программ и в конечном счете к формированию гражданского общества.

Во многом уже упомянутому обстоятельству – отличию технологий естественно-научного типа от социально-гуманитарных технологий – обязана и теоретическая актуальность исследований СТ. Речь идет об известном технократическом перекосе, который в свое время привел к трагическим утопическим проектам (как к нацизму, так и к коммунизму при всех их существенных различиях). Сегодня это проявляется и в теории, когда под СТ понимается некоторый гарантированный алгоритм управления социальными субъектами и процессами, не учитывающий ряда принципиальных отличий общества от природы. В наши дни, когда экологическое сознание проникает в процесс материального производства, стало общим местом стремление к щадящему отношению к природе, технология осторожных и просчитанных воздействий. Однако применительно к обществу сохраняется иллюзия эффективности и моральной приемлемости резких и волюнтаристских решений, которые не только не приводят к искомому результату, но и разрушают тонкую ткань социальности.

Теоретическое обоснование «экологического», «мягкого», сбалансированного и просчитанного, органического и незаметного социального действия и составляет теоретическую актуальность научного исследования СТ.

Новые проблемы СТ

Понятие и практика использования СТ существенно изменяют роль и место современной науки, в частности социально-гуманитарных дисциплин, в общественном разделении труда, а также природу самого научного знания. Создаются условия для повышения эффективности науки в применении ее результатов к решению социальных проблем, повышается статус ученого-гуманитария, что позитивно влияет на приток и закрепление молодых исследователей в научном сообществе. Одновременно сфера теоретических разработок сужается, будучи ориентирована наличными социальными потребностями, что, с одной стороны, ведет к концентрации финансовых и человеческих ресурсов, а с другой стороны, маргинализирует перспективные разработки, не имеющие ближайшего применения. Преимущества и риски взаимодействия СТ и социально-гуманитарных наук – проблема, которая требует анализа и обсуждения.

Социальные технологии как дискурс-технологии – тема, до сих пор практически не привлекавшая теоретического внимания российских ученых и философов. Взаимодействие философии языка, социолингвистики, теории речевых актов, социологии речевых коммуникаций, с одной стороны, и философии науки и техники – с другой, могло бы привести к оригинальному взгляду на возможности гуманитарных наук в контексте отношений индивид–общество.

Проблематика СТ как сетевых технологий также мало обсуждается в российской литературе, а в зарубежной в значительной мере ограничена вопросами коммерциализации новых коммуникативных систем. Вопрос о том, насколько эти новые компьютерные СТ способствуют развитию личности, ее когнитивных способностей и формированию демократического общественного устройства, остается, поэтому, открытым и требующим обстоятельного анализа.

Отношения «мягких» и «жестких» СТ в западной литературе обычно сводится к различию компьютерных «software» и «hardware» (в нашей литературе это примерно соответствует

различию СТ управления и управления как такового). Однако это очень ограниченная позиция, преодоление которой возможно благодаря применению феноменологической методологии к исследованию СТ, что демонстрируется на примерах гуманистически-ориентированного психоанализа, субъект-центрированной педагогики и проч. Возникает мысль о фактическом тождестве «мягких» СТ и СТ вообще, коль скоро необходимо выделить специфику СТ как до конца не формализуемого элемента (неявного знания) в рамках некоторого социального института и в социальной деятельности вообще.

Междисциплинарное исследование СТ призвано синтезировать идеи и методы эпистемологии, философии науки и техники, коммуникативной и феноменологической социологии, дискурс-анализа, социолингвистики, философии экономики и управления, гуманистической психологии, этнометодологии, что позволит дать интегральное теоретическое представление о СТ, их структуре, когнитивных измерениях и социальных функциях и на этой основе выработать методы их проектирования, конструирования и экспертизы, использования в программах модернизации и инновационной экономики.

К типологии и определению СТ

Парадокс труда как процесса может быть схвачен в образе «черного ящика»: из природы субъекта труда и характера процесса нельзя вывести характер продукта. Природа СТ отличается тем же: их продуктом может быть что угодно, но всегда нечто, несводимое к самой их структуре. Отсюда несостоятельность попыток дать типологию СТ по их предмету или продукту. Какие же СТ можно себе помыслить вне предметного подхода? Начнем с того, что СТ представляет собой интегральное понятие, объемлющее собой целый класс социальной активности человека. В сущности континуум разработки и реализации СТ располагается между полюсами, которые образованы следующими концептуальными парами: «формируемое–стихийное», «труд–рекреация», «профессиональное–дилетантское». СТ – это *формы и способы целенаправленной активности по формированию и управлению социальными процессами, группами и отдельными индивидами, которые соответствуют некоторым стандартам (операциональности, эффективности, системности, планирования, прогнозирования) в сфере профессионального труда и результат которых может быть пред-*

метод социальной оценки. В чем же специфика такой деятельности?

Во-первых, на поверхности находится связь СТ с социальными науками: это многообразие социальных практик, порождаемое ими. Примерами могут служить психотерапевтическая помощь, социологические опросы, судебный процесс, практики языкового перевода, консультирования, менеджмента и т.п. Второе основание для выделения СТ – это то, что они характеризуются именно специфической природой человеческой деятельности (психосоматическими навыками и приемами, языком, мыслительными и эмоциональными процессами), а не используемыми искусственными орудиями, приборами, приспособлениями. Кроме того, природа и значение технологии вообще состоит в том, *как именно* используется некоторое орудие – в форме безличного алгоритма операций или субъективно окрашенной деятельности. СТ (в значительно большей мере, чем естественно-научные технологии) – это технологии, в которых важное место занимает субъект с его знаниями и убеждениями, навыками и привычками, языком и традициями.

Наконец, в качестве третьего основания мы возьмем собственно социальную функцию СТ – их способность опосредовать собой формирование и внутреннюю регуляцию деятельности социальных групп и ассоциаций. Сетевые компьютерные технологии потому часто отождествляются с СТ, что могут формировать виртуальные, т.е. «мягкие» и мобильные ассоциации, оказывающие, тем не менее, серьезное воздействие на общественную жизнь (покупатели и продавцы, авторы и рецензенты, герои и поклонники, злодеи и критики, знатоки и дилетанты и проч.). Представляется, что как раз эти свойства СТ не учитываются в доминирующих подходах к анализу техники, которые исходят из ее понимания как формы власти человека над природой и противопоставляют технику и социальность.

Имеет смысл дать перечень трех групп понятий, в контексте которых СТ могут получать свое определение и проблематизацию. Это а) «социальное проектирование», «социальное конструирование», «управление», «обучение», «экспертиза», «программирование сознания», «социальная инициатива»; б) «свобода», «коммуникация», «ситуация», «информация», «субъективность»; в) «социальный институт», «организация», «бюрократия», «технократия», «общество знания» и некоторые другие. Первая группа включает уже хорошо известные формы СТ, вторая – предпосылки СТ, а третья относится к возможным заказчикам и сферам реализации СТ.

В целом можно сказать, что философский анализ СТ вносит вклад в современное переосмысление и конкретную разработку понятия «*социальный субъект*», исключительно важного не только для социальной эпистемологии, но и гуманитарных наук вообще.

К российским предпосылкам проблемы: критика и апология СТ

Социальные технологии – это предмет, который вызывает не только концептуальные вопросы. Вопрос «*cui prodest*» (лат. «кому выгодно») является актуальным отнюдь не только в российских условиях существования СТ. Кому нужны в нашем обществе СТ, кто способен их использовать и финансировать? Это вопрос о том, в чем нуждается Россия в первую очередь: в открытости, в свободе информации и волеизъявления, в контроле над властью или – в механизмах эффективного управления массами, в способах властного воздействия на общественное сознание. СТ – острое оружие, и его разработчики несут ответственность за его распространение и применение. С самого начала должно быть ясно, каковы цели их использования. Сегодня мы знаем, как и для чего в основном нужен такой вид СТ, как политтехнологии, синонимом которых фактически стали «грязные технологии». Не следует ли предварить использование СТ развитием общей культуры народа? Но можно ли развивать культуру без применения СТ? Эти вопросы обретают неожиданное значение применительно к развитию науки в современном обществе, в условиях капиталистической конкуренции и искаженного политического образа ученого и научной деятельности. На примере анализа СТ становятся в особенности явными практически-прикладные возможности социально-гуманитарных наук и те риски, которые проистекают из их игнорирования или неверного использования. СТ, избранные в качестве предмета социально-эпистемологического анализа, ставят понятие «*социальный субъект*» в контекст таких феноменов, как «научное сообщество», «общество знания», «социальное конструирование», «дискурс», «экспертиза», «инновация». Этот анализ показывает, что техногенная цивилизация не только делает человека придатком машины, но и открывает новые возможности его влияния на окружение с помощью своих когнитивных способностей.

Заключение

Традиционная социология знания оставляла за пределами своего внимания то, как формируются социальные структуры науки – институты, организации, дисциплины, сообщества – подобно тому, как классическая эпистемология не слишком интересовалась процессом развития знания. Современная социальная эпистемология исследует развитие знания в контексте динамики соответствующих социальных структур. При этом онтологической предпосылкой познания выступает не некий «естественно-исторический процесс», но процесс социального конструирования, в котором центральную роль играет коммуникативный дискурс. Эта новая социальная онтология дает ключ к адекватной реконструкции познавательных ситуаций, социально-философская позиция рефлексии становится неотъемлемым элементом теории познания, а способы порождения знания в свою очередь высвечивают механизмы создания социальной реальности.